

Ламартин Альфонс

Рафаэль

**Страницы двадцатого года
жизни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А59

А59 **Альфонс Л.**
Рафаэль: Страницы двадцатого года жизни / Ламартин Альфонс – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 340 с.

ISBN 978-5-519-92374-3

ISBN 978-5-519-92374-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРОЛОГЪ.

Не Рафаэль было настоящее имя друга, который писалъ эти страницы. Звали его мы такъ—его другіе друзья и я—часто въ шутку, потому-что въ юности своей онъ былъ похожъ на портретъ Рафаэля дитяти, который найдете вы въ Римѣ, въ галлерей Барберини, во Флоренціи, въ палаццо Питти и въ Парижѣ въ Луврскомъ музеѣ. Мы давали ему также это имя и потому, что особенною чертою характера этого ребенка было такое живое чувство прекраснаго въ природѣ и въ искусствѣ, что его душа представляла собою такъ—сказать отраженіе матеріальной или идеальной красоты, разсѣянной въ созданіяхъ Бога и людей. Происходило это отъ воспріимчивости, до того утонченной, что она походила

II

въ немъ на болѣзненность, пока нѣсколько не притупилась съ лѣтами; мы говаривали, что у него тоска по небу, припоминая, что есть болѣзнь — тоска по родинѣ! Онъ, улыбаясь, соглашался съ нами.

Эта страсть къ прекрасному дѣлала его несчастнымъ; при другихъ условіяхъ, она могла бы сдѣлать его великимъ. Владѣй онъ кистью—онъ создалъ бы дѣвѣ Фолиньо; умѣй онъ дѣйствовать рѣзцомъ — онъ извѣлялъ бы Психею Кановы; — знай онъ языкъ звуковъ — звуки прозвучали бы у него воздушными жалобами морскаго вѣтра, играющаго съ соснами Италіи, или дыханіемъ заснувшей дѣвочки, которой грезится тотъ, кого она не хочетъ назвать. Будь онъ поэтъ — онъ написалъ бы стансы Тассо объ Эрминіи, разговоръ Шекспировскихъ Ромео и Юдіи при лунномъ свѣтѣ, Байроновскій образъ Гайде.

И добро любилъ онъ не менѣе прекраснаго; — но онъ любилъ добродѣтель не за то, что она свята, а за то въ особенности, что она прекрасна. Честолюбія не было въ его характерѣ, но онъ счумѣлъ бы

создать его воображеніемъ. Когда бы онъ жилъ въ одномъ изъ древнихъ государствъ, гдѣ человѣкъ всецѣло развивался въ дѣятельности, какъ тѣло развивается на воздухѣ и на солнцѣ — онъ жаждалъ бы власти какъ Кесарь, говорилъ бы какъ Демосеенъ, умеръ бы какъ Катонъ. Но неблагоприятная, темная, низкая доля держала его въ праздности и сосредоточивала въ созерцаніи. Могъ онъ размахнуть крыльями, но не гдѣ было размахнуться. Онъ умеръ молодъ и пожирая пространство очами, но не пробѣжавши его. Міръ его былъ — его мечта. Да осуществится она по крайней мѣрѣ въ небесахъ!

Знаете ли вы этотъ портретъ Рафаэля-дитяти, о которомъ я вамъ сейчасъ напомнилъ? То — шестнадцати-лѣтній образъ, нѣсколько блѣдный, нѣсколько заклеименный римскимъ солнцемъ — но на щекахъ еще цвѣтетъ пухъ дѣтства. Прорѣзывающійся лучъ свѣта, кажется, играетъ на бархатѣ кожи. Юноша оперся локтемъ на столъ; передняя часть руки приподнята и поддерживаетъ голову, покоющуюся на ла-

дони — удивительно сложенные пальцы придаютъ легкій бѣлый отсвѣтъ подбородку и щекѣ. Уста тонки, задумчивы, мечтательны; носъ узокъ между глазами и слегка оттѣненъ синеватымъ отливомъ, какъ будто сквозь нѣжную кожу просвѣчиваетъ лазурь жилокъ; глаза цвѣта синяго неба, похожаго на цвѣтъ неба Апенниновъ до утренней зари: они глядятъ прямо, но съ легкимъ стремленіемъ къ небу, какъ бы по привычкѣ видѣть всегда что либо высшее природы. Они напоены до глубины свѣтомъ, но немного увлажнены лучами, растворенными въ росѣ или въ слезахъ. Чело — полусведенный куполъ; такъ и видно на немъ, какъ трепещутъ подъ тонкою оболочкою мускулы клавира мысли: виски дышатъ думою, ухо чутко слышитъ. Черные волосы, неровно и впервые обрѣзанные неискусными нежницами или товарища по мастерской или сестры, бросаютъ нѣсколько тѣней на щеку и на руку. Небольшая низенькая шапочка изъ чернаго бархата накинута на волоса и спадаетъ на лобъ. Передъ этимъ портретомъ невольно и за-

думаешься и загрустишь, самъ не зная о чемъ. Это — душа у вратъ жизни. Что съ нею будетъ?... Прибавьте же шесть лѣтъ этому мечтающему ребенку, придайте больше рѣзкости его чертамъ, загара этому цвѣту, нахмурьте чело, взбейте волосы, потемните немного взглядъ, отгѣните грустью уста, подымите станъ, дайте больше выпуклости мускуламъ, измѣните итальянскій костюмъ временъ Льва X на темный однообразный костюмъ молодаго человѣка, воспитаннаго въ сельской простотѣ, требующаго отъ платья только того, чтобы оно покрывало его благопристойно; сохраните задумчивое и страдательное утомленіе въ положеніи — и вотъ вамъ совершенно вѣрный портретъ Рафаэля въ двадцать лѣтъ.

Семейство его было бѣдное, хотя стародавнее въ Форезскихъ горахъ, гдѣ жили его предки. Отецъ его, какъ испанскіе дворяне, перемѣнилъ мечъ на соху. Въ замѣну почестей у него была честь, стоющая ихъ всѣхъ. Мать его была женщина еще молодая, прекрасная — и ее можно было бы счесть за его сестру, такъ она на него по-

ходила. Она воспиталась среди роскоши и удобствъ столицы. Она вынесла изъ этой жизни только благоуханіе рѣчи и манеръ, не выдыхающеея никогда, какъ не выдыхается запахъ розовыхъ лепешекъ сераля въ кристаллѣ, гдѣ они хранились.

Заброшенная въ горы, живя только съ мужемъ, даннымъ ей любовью, и съ дѣтьми, на которыхъ перешла вся ея привязанность, вся гордость матери, — она никогда ни о чемъ не жалѣла. Она закрыла книгу своей молодости на трехъ словахъ: Богъ, мужъ, дѣти. Преимущественно любила она Рафаэля. Она хотѣла бы дать ему царскую долю — увы! только сердце ея было его треномъ. Судьба давила ихъ и подрывала часто даже основы ихъ небольшого состоянія и ея грѣзъ.

Два старика, гонимыхъ, черезъ нѣсколько времени послѣ террора за какія то религіозныя мнѣнія, мистическія и предвѣщавшія обновленіе вѣка, искали тоже убѣжища въ этихъ горахъ. Они нашли пристанище въ ея домѣ. Они полюбили Рафаэля, который росъ тогда на колѣняхъ

матери. Они предсказывали ему что-то невѣдомое, они указывали ему звѣзду, они сказали матери: слѣди сердцемъ за этимъ сыномъ! Матери такъ сродно вѣрить! Она упрекала себя въ довѣрчивости, но она вѣрила. Эта вѣра поддержала ее во многихъ испытаніяхъ, но заставила ее выбиваться изъ силъ для воспитанія Рафаэля и окончательно ее обманула.

Я зналъ Рафаэля съ двѣнадцати-лѣтняго возраста. Послѣ матери, я былъ любимѣйшимъ болѣе всего на свѣтѣ. По окончаніи ученія, мы встрѣтились въ Парижѣ, потомъ въ Римѣ. Его возилъ туда одинъ родственникъ его отца для списыванія рукописей Ватиканской бібліотеки. Тамъ онъ пристрастился къ языку и генію Італіи. Онъ говорилъ по-итальянски лучше, чѣмъ на своемъ родномъ языкѣ. Иногда вечеромъ, подъ соснами виллы Памфили, въ виду заходящаго солнца и костей Рима, разсѣянныхъ по равнинѣ, онъ импровизировалъ стансы, отъ которыхъ я плакалъ. Но онъ не писалъ ничего. Рафаэль, говорилъ я ему часто: — отъ чего ты не пишешь?

«Эхъ! отвѣчалъ онъ мнѣ: — да развѣ вѣ-
 «теръ пишетъ свои пѣсни, которыя звучатъ
 «въ шелестѣ листьевъ надъ нашими голо-
 «вами? Развѣ море пишетъ стоны своихъ
 «береговъ? Ничего истинно прекраснаго не
 «уцѣлѣетъ въ написанномъ, — божествен-
 «нѣйшее человѣческаго сердца не выходитъ
 «изъ него никогда. Инструментъ — тѣле-
 «снѣй, нота—огненная: что съ этимъ дѣ-
 «лать? Между тѣмъ, что чувствуешь, и
 «тѣмъ, что выскажешь — прибавлялъ онъ
 «съ грустью — таже разница, какъ между
 «душею и двадцатью четырьмя буквами
 «азбуки, то есть, безконечность. Не дума-
 «ешь ли ты на свирѣли изъ тростника пе-
 «редать гармонію сферъ?»

Я разстался съ нимъ, что бы встрѣтиться
 снова въ Парижѣ. Онъ тщетно пытался
 тогда, съ помощію связей матери, создать
 себѣ дѣятельное положеніе, которое бы
 сняло съ него бремя его души и гнетъ
 судьбы. Молодые люди, наши ровесники,
 искали его, женщины слѣдили за нимъ
 взглядами на улицахъ. Онъ не посѣщаль

никогда самоновъ. Изъ всѣхъ женщинъ, онъ любилъ только свою мать.

Вдругъ, на цѣлыхъ три года мы потеряли его изъ виду; мы узнали потомъ, что его видѣли въ Швейцаріи, въ Германіи и въ Савойѣ — и потомъ зимою, по ночамъ, на одномъ мосту и на одной набережной въ Парижѣ. Наружность его обличала величайшія познанія. Только черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ узнали мы больше. Мы думали о немъ и объ отсутствующемъ. Природа его была одна изъ тѣхъ, которыхъ забыть невозможно.

Наконецъ случай соединилъ насъ черезъ двѣнадцать лѣтъ. Вотъ какъ: мнѣ досталось наслѣдство въ его провинціи, я поѣхалъ туда продавать землю. Я освѣдомился о Рафаэлѣ. Мнѣ сказали, что въ короткіе промежутки времени, онъ потерялъ отца, мать и жену; что раззореніе постигло его послѣ этого сердечнаго горя и что изъ небольшого владѣнія его предковъ осталась ему только усадьба, состоящая изъ старой четвероугольной и полуразрушенной башни у оврага, — изъ сада, огорода, луга въ ло-

Х

щинѣ да пяти или шести десятинѣ безплодной земли. Онѣ обрабатывалѣ ее самѣ съ двумя тощими коровами; отѣ крестьянѣ, своихѣ сосѣдей, онѣ отличался только тѣмѣ, что носилѣ съ собою на поле книги и держалѣ ихѣ въ одной рукѣ, другою управляя плугомѣ. Но нѣсколько недѣль уже его было невидать за порогомѣ его хижины. Полагали, что онѣ отправился опять въ одно изѣ путешествій, продолжавшихся цѣлые годы. — «Жаль, очень жаль, — прибавляли всѣ, — его такѣ любили въ сосѣдствѣ! «Въ нашей сторонѣ подѣлано много суконѣ изѣ «шерсти его овецѣ. По вечерамѣ, онѣ учитѣ «читать, писать и рисовать ребятишекѣ со- «сѣднихѣ деревень. Отогрѣетѣ ихѣ у огня, «дастѣ имѣ хлѣба — а вѣдь Богѣ знаетѣ, «есть ли у него самаго въ запасѣ, когда «годѣ такой плохой, какѣ теперь!»

Такѣ говорили мнѣ о Рафаэлѣ. Я хотѣлъ видѣть по крайней мѣрѣ жилище моего стараго друга. Я просилѣ проводить меня до подошвы пригорка, на которомѣ возвышалась изѣ-за кустовѣ самшита и орѣшника, почернѣвшая отѣ времени башня, заго-